6 М. Е. В. Тр. 6
Семковъ Городокъ
XI причту Соломорѣчской церкви

МИНСКІЯ
Епархіальныя Вѣдомости.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ
Годовая цѣна 6 р. съ перес.

1917.

Подписка принимается въ редакц. Минскихъ Епарх. Вѣдомостей въ г. Минскѣ.

1—15 октября. № 17—18. 1—15 октября.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Объявляемыя въ оффиціальномъ отдѣлѣ сихъ Вѣдомостей распоряженія Епархіальнаго Начальства обязательны къ исполненію духовенства и должностныхъ лицъ епархіи, до коихъ онѣ касаются.

Епархіальныя распоряженія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Георгіемъ, Епископомъ Минскимъ и Туровскимъ.

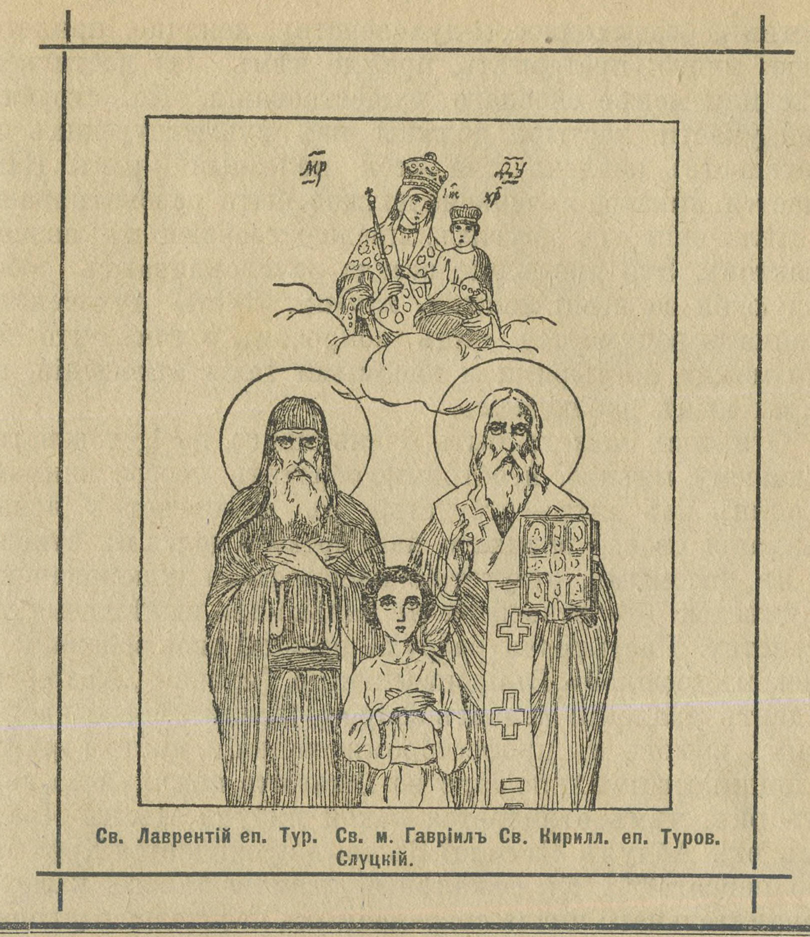
перемѣщены: священникъ Бостынской церкви Пинскаго уѣзда Іоаннъ Радивиновичъ къ Пуковской церкви Слуцкаго уѣзда, согласно прошенію и избранію прихожанъ, 12 сентября; священники: Гатовской церкви Минскаго уѣзда Илларіонъ Пастернацкій и Дудичской церкви Игуменскаго уѣзда Павелъ Бирюковичъ одинъ на мѣстѣ другого, согласно желанію прихожанъ, 16 сентября и священникъ Кутынской церкви Пинскаго уѣзда Михаилъ Занцевичъ къ Горутишской церкви Минскаго уѣзда, согласно желанію прихожанъ, 28 сентября,

утверждены, согласно избранію благочиннических собраній, въ должностяхъ благочинныхъ: 5 округа Борисовскаго уѣзда священникъ Свядской церкви Михаилъ Садовскій 16 сентября и 4 округа Рѣчицкаго уѣзда священникъ Хойникской церкви Самуилъ Очаповскій 16 сентября;

награжденъ скуфьею благочинный 4 округа Пинскаго уѣзда священникъ Островской церкви Александръ Любичъ 17 сентября;

всего 148 р. 98 к. *Въ пользу Парическаго женскаго училища духовнаго вѣдомства за содержаніе дѣтей* съ священниковъ церквей: Морочанской Мозырскаго у. Рудько 26 р. 41 к., Грозовской Слуцкаго у. Струковскаго 26 р. 8 к., діакона Петриковской ц. Мозырскаго у., Рудько 4 р. 99 к., псаломщиковъ церквей: Брожской Бобруйскаго у. Бахановича и Михалевской того же у. Мироновича по 9 р. 29 к. съ каждаго, Погостской Слуцкаго уѣзда Вериго, Богушевичской Игуменскаго у. Логовскаго, Холмечской Рѣчицкаго у. Кладкевича и Брагинской того же у. Тышкевича по 9 р. 59 к. съ каждаго, итого 114 р. 42 к. 12, *Въ пользу Слуцкаго Духовнаго училища за содержаніе дѣтей* съ священника Черниховской церкви Новогрудскаго уѣзда Гомолицкаго 26 р. 74 к., съ псаломщиковъ церквей: Новодорогской Бобруйскаго у. Сѣвбо, Греской Слуцкаго у. Турцевича и Чижевичской того же у. Шолковича по 6 р. 82 к. съ каждаго, всего 47 р. 20 к. 13, *Въ пользу Пинскаго духовнаго училища за содержаніе дѣтей*: съ діакона Лещенской церкви Пинскаго у. Неслуховскаго 4 р. 36 к.

СОДЕРЖАНІЕ.

Св. Лаврентій еп. Тур. Св. м. Гавріилъ Св. Кирилл. еп. Туров. Слуцкій.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Пастырская разруха.

Среди вопросовъ современности въ отношеніи церковной жизни едва ли не самымъ важнымъ является вопросъ о положеніи духовенства на приходахъ; о взаимоотношеніи пастырей и паствы. Отовсюду слышатся самыя безотрадныя вѣсти. У одного батюшки съ причтомъ прихожане захватили землю, у другого—взлелѣянный имъ садъ, а тамъ установили нищенскую таксу на требы, или объявили, что батюшка имъ вовсе ненуженъ. Положеніе,

поистинѣ, безвыходное, и духовенству, конечно, придется и еще много претерпѣть, прежде чѣмъ оно достигнетъ болѣе или менѣе сноснаго существованія. Но, скорбя о своей участи, пастыри должны изъ существующихъ обстоятельствъ извлечь для себя полезный урокъ. Намъ думается, никакое явленіе не должно быть разсматриваемо въ отвлеченіи отъ другихъ, предшествовавшихъ явленій и фактовъ. Эти послѣдніе всегда обусловливаютъ собою слѣдующія за ними явленія жизни. Пусть духовенство и сейчасъ задумается надъ вопросомъ о томъ, что создало между пастырями и пасомыми такія отношенія, какія мы нынѣ наблюдаемъ.

Отвѣтовъ можетъ быть очень много, но духовенству, по нашему мнѣнію, необходимо обратить особое вниманіе ня одинъ изъ нихъ—отсутствіе въ духовенствѣ яснаго пониманія своего великаго пастырткаго долга въ отношеніи къ пасомымъ, отсутствіе пастырскаго душепопеченія. Разумѣется, это относится не только къ нынѣшнему духовенству. Пастырская разруха имѣетъ свое основаніе въ далекомъ прошломъ. Въ произведеніи о. Тихона—„Архіерей", студентъ академіи задаетъ вопросъ іереямъ, богословствующимъ вмѣстѣ съ профессоромъ академіи, чисто формально понимающимъ хрисріанство: „скажите, пожалуйста, говоритъ онъ, чѣмъ отличается какой нибудь Иванъ Ивановичъ отъ Абдулъ Гамида? Въ чемъ проявляется Христіанство перваго?"... Къ сожалѣнію, отличія такого, кажется, у значительнаго числа современныхъ носителей благодати священства нѣтъ, если не считать ихъ творческія воззрѣнія на жизнь и поученія, носящія сильный отпечатокъ христіанства, и то, впрочемъ, пассивнаго. Но вѣдь какая польза можетъ быть отъ того, кто говоритъ о христіанствѣ, а самъ не представляетъ собою горящаго свѣтильника христіанской жизни? Развѣ не замѣчателенъ тотъ фактъ, что съ марта мѣсяца текущаго года пастыри Церкви неустанно говорятъ о переустройствѣ христіанской общины и на съѣздахъ и на собраніяхъ, затрачивая на это говореніе массу денегъ, а между тѣмъ доселѣ едва ли въ епархіи найдется нѣсколько десяткотъ пастырей, которые хотя бы приступили къ практическому осуществленію сказаннаго ими по вопросу объ обновленіи церковной христіанской общественности. Такъ дѣло обстоитъ сейчасъ, такъ оно обстояло и прежде.

Въ объясненіе бездѣятельности духовенства очень часто само оно любитъ ссылаться на свое плачевное въ матеріальномъ отношеніи и безправное положеніе. „Отъ кого священникъ, говорятъ не зависитъ? Кого онъ не боится? Въ недавнемъ прошломъ достаточно было просто не угодить писарю, или урядннку, вотъ и готова „формальная" жалоба.

Все это, допустимъ, правда. Но развѣ можно этимъ оправдать отсутствіе пастырскаго духа въ пастырѣ? Вѣдь что такое пастырь? Пастырь—это пророкъ, поэтъ въ своемъ родѣ. А можетъ ли кто—нибудь пророку запретить исполнять волю Бога—глаголомъ жечь сердца людей? Или поэта можетъ ли что удержать отъ выраженія его поэтическаго вдохновенія? Нѣтъ не можетъ. Вспомнимъ любой образъ пророка. Вспомнимъ Іоанна Дамаскина въ прекрасной обрисовкѣ А. Толстого... Это все люди великой духовной мощи, для осуществленія своего призванія не дорожившіе земными благами. Возьмемъ и другихъ служителей идеи—народовольцевъ. Развѣ подъ гнетомъ режима царскаго забывали они униженный и обиженный русскій народъ? Развѣ мало сгнило ихъ за открытое обличеніе неправды сильныхъ міра въ Сибири и другихъ далекихъ отъ ихъ родины мѣстахъ? А пророки духовнаго возрожденія сами сознаются, что дрожатъ передъ урядникомъ и писаремъ. Почему же это? Ужъ не потому ли, что современнымъ пророкамъ не являлся на перепутьѣ шестокрылый серафимъ и не вдохновлялъ ихъ на пастырство!?

Конечно, желательно, чтобы жизненныя условія нашихъ пастырей такъ или иначе облегчились. Но нельзя не отмѣтить того, что бѣдность не можетъ заставить настоящаго пастыря, пророка любви и правды, отказаться отъ своего призванія. И если современные пастыри отказываются или не имѣютъ силъ для добраго пастырства по причинамъ матеріальнаго характера, то, значитъ, не созрѣло въ нихъ пастырское настроеніе. Припомнимъ, какъ истинные пастыри опредѣляли психологическій путь, которымъ человѣкъ доходилъ до воспріятія пастырства,

до рѣшимости посвятить себя служенію ближнимъ въ самомъ дорогомъ для нихъ, въ спасеніи души...

Вотъ каковъ этотъ путь. *Человѣкъ, чтобы учить другихъ не увлекаться земными грѣховными прелестями, прежде самъ достигаетъ извѣстной степени безстрастія. Достигнувъ же его, онъ весь горитъ любовью къ Богу и уже, естественно, не можетъ терпѣть, чтобы его братья оставались не познавшими сладости любви Божіей; его сердце раскрывается для нихъ, онъ готовъ обнять своею любовію весь міръ. Состраданіе къ ихъ жалкому положенію постепенно переходитъ въ такую духовную любовь, по которой этотъ поистиннѣ сосудъ Божій усвояетъ себѣ всѣ грѣхи ближнихъ и добровольно принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ предъ Богомъ, лишь бы вырвать погибающаго изъ грѣховной бездны...* Такъ рождается мысль о пастырствѣ.

Намъ думается, что если бы современные пастыри подходили къ мысли о пастырствѣ именно такимъ путемъ, то занимали бы совершенно иное положеніе въ обществѣ, въ приходѣ. Здѣсь намъ могутъ поставить возраженіе. Вѣдь людей, скажутъ, съ вдохновеніемъ и искреннимъ, сильнымъ призваніемъ къ извѣстнаго рода дѣятельности въ исторіи можно насчитать очень мало. Поэтому достаточно будетъ и того, если человѣкъ, избирая извѣстный родъ служенія обществу, будетъ имѣть хоть нѣкоторую долю симпатіи къ своей будущей дѣятельности.

Однако, если и возможно на какомъ—нибудь поприщѣ жизни ограничиться малою склонностью къ дѣятельности, чтобы она была продуктивною, то для пастырской дѣятельности этого недостаточно. Мы позволили себѣ ранѣе сравнить пастырство съ дѣятельностью поэта; продолжимъ здѣсь эту аналогію. Что за поэзія была бы у насъ, если бы всякій, страдающій литературной чесоткой, сталъ провозглашать себя поэтомъ! Кто бы тогда сталъ интересоваться поэзіей и уважать поэтовъ? Конечно, никто. То же самое приходится сказать и въ отношеніи къ пастырству. Пастырство безъ соотвѣтствующаго огонька ни для кого незамѣтно и ни въ комъ не возбуждаетъ интереса. Здѣсь нужно быть обязательно горящимъ свѣтильникомъ, даже не просто тлѣющейся искрой. Слякоть

окружающей жизни такъ сильна, что искра обязательно среди ея потухнетъ, какъ, дѣйствительно, и потухла она у многихъ пастырей, вступившихъ на свое поприще съ одною лишь теплохладностью.

Здѣсь также важно отмѣтить то, что такіе кандидаты священства, у которыхъ замѣчается теплохладность отношенія къ пастырству, большею частію судятъ и думаютъ о немъ поверхностно, недостаточно вникаютъ въ его сущность и характеръ. Вотъ почему часто случается, что если они попадаютъ въ тяжелыя условія пастырствованія, то сейчасъ же и падаютъ духомъ. Да не лучше бываетъ, если они получаютъ и доходное мѣсто на приходѣ. На первыхъ порахъ они, быть можетъ, и обнаружатъ интересъ къ пастырству, но вскорѣ оно имъ ужъ кажется скучнымъ. Вотъ почему излишне обсуждать здѣсь часто выдвигаемую въ подобныхъ разговорахъ мысль, что слѣдуетъ *сначала* духовенство обезпечить матеріально, чтобы оно достойно выполняло свой пастырскій долгъ. Дѣло очевидно не столько въ плачевномъ матеріальномъ положеніи, сколько въ убійственной теплохладности лица, принимающаго на себя пастырство.

Ясно, что такіе пастыри, продукты мѣщански пошлаго строя жизни, не возродятъ общества и поэтому никогда не завоюютъ его симпатіи, ибо оно прекрасно чувствуетъ и замѣчаетъ здѣсь всякую фальшь. Настоящее отношеніе пасомыхъ къ пастырямъ какъ разъ и показываетъ именно, чего можно ждать и впредь, если пастыри будутъ въ лучшемъ случаѣ только увѣщевать другихъ безъ собственнаго искренняго желанія осуществить проповѣдуемое въ жизни, превратить міръ грѣшный въ богоносный космосъ. Такое пастырство, приведшее насъ къ церковной разрухѣ, не нужно никому. Обществу нужны, скажемъ словами нововременскаго публициста г. Меньшикова, святые пастыри. Современные пастыри должны понять это, если хотятъ сохранить паству отъ нравственнаго разложенія и поднять свой авторитетъ. Проповѣдуя жизнь во Христѣ, они должны дать въ себѣ самихъ образецъ ея прежде всего.

А. Б. (П. Е. В.)

О платформѣ православнаго священника.

Какъ быть православному пастырю въ настоящее время, полное безконечной тревоги? Что ему дѣлать? Какъ войти ему въ гущу мятущейся жизни для претворенія ея въ духѣ Христовой правды и Христовой любви? Какъ ему въ настоящее время быть пастыремъ добрымъ, истиннымъ отцомъ и вождемъ душъ человѣческихъ? Нужно ли ему встать въ сторонѣ отъ современныхъ бурныхъ политическихъ теченій или же ринуться безъ страха и сомнѣнія впередъ, въ самую пучину политической борьбы? Нужно ли ему встать въ сторонѣ отъ стремительнаго соціалистическаго потока рабочихъ партій или же пойти въ самыя глубокія нѣдра революціи?

Какимъ путемъ идти къ отвѣту на постановленные вопросы?

Путей много, и всѣ они должны быть приняты во вниманіе.

Не долженъ быть оставляемъ безъ вниманія и историкобытовой путь для отвѣта.

Русь была сильна, благочестива и свята. Эту силу, благочестіе и святость создавалъ, м. пр., и православный русскій пастырь прежняго типа.

Каковъ былъ этотъ типъ?

Непрмѣнно нужно въ него всмотрѣться, чтобы вновь создаваемый желательный типъ современнаго пастыря не оказался оторваннымъ отъ исторической почвы и потому непригоднымъ для обезпеченія силы, благочестія и святости нашей родины въ дальнѣйшемъ будущемъ.

Возьмемъ изъ прошлой дѣятельности рядового русскаго священника отдѣльныя положительныя черты и сопоставимъ ихъ съ чертами пастора и ксендза.

Пасторъ, ксендзъ и православный священникъ...

Непосредственный взглядъ на этихъ представителей священническаго служенія устанавливаетъ опредѣленную разницу между ними, и не въ пользу послѣдняго изъ нихъ. Но, при болѣе внимательномъ и строгомъ разсмотрѣніи характера священнослужителей разныхъ типовъ, мы найдемъ между ними и нѣсколько иную разницу.

Безусловно, пасторъ уменъ, ученъ, разсудителенъ, благороденъ и гордъ. Его вѣра опирается на десятки толстыхъ фоліантовъ, на исторію, на философію, на естествознаніе. Въ вѣрѣ пастора фундаментъ крѣпокъ, какъ гранитъ, неоспоримъ, какъ наука, авторитетенъ, какъ умъ. А потому-то посторъ и важенъ и гордъ. И хорошо, конечно, вѣрить такъ ясно и просто, какъ ясна и проста логика. Но въ этой логически-ясной вѣрѣ есть свой драматизмъ. Питая мысль, разсудочная вѣра холодитъ сердце, замораживаетъ душу. Эта вѣра влечетъ человѣка въ учебный кабинетъ, въ химическую лабораторію, въ университетскую аудиторію, но не въ храмъ, не въ сплоченную семью вѣрующихъ, не къ сердечному общенію съ ними и съ Богомъ, не къ молитвѣ. Впечатлѣніе удивительной холодности и страшной пустоты производятъ лютеранскія кирки во время праздничныхъ богослуженій. Чисто, свѣтло, богато, но холодно, холодно... Нѣтъ людей. Мужчинъ совсѣмъ почти нѣтъ. Интелектуальная вѣра органически удерживаетъ ихъ дома, у письменнаго стола, въ лучшемъ случаѣ у комментарія на библейскій текстъ. Кирки посѣщаютъ, гл. обр., женщины. Въ нихъ теплота Магдалины еще устояла предъ холоднымъ анализомъ Ѳомы. Въ нихъ еще горитъ желаніе нести къ Спасителю ароматы вѣры. Но развѣ есть въ киркѣ Спаситель? Голыя стѣны, самый обыкновенный столъ вмѣсто трапезы Господней, нѣтъ даже знаменія креста, непозволительны поклоны, колѣнопреклоненія недопустимы. Всю человѣческую душу съ безграничнымъ богатствомъ думъ и порывовъ, съ безконечнымъ разнообразіемъ душевныхъ настроеній долженствуетъ выразить органъ, звучный, но бездушный, и потому нѣмой, какъ и всякая машина. Проповѣдь пастора искусна, содержательна и умна, но, много говорящая въ университетскомъ залѣ, она почти ничего не говоритъ въ храмѣ. Нѣтъ въ киркѣ дыханія божественнаго духа, и Магдалина грустна и скорбна; она какъ бы готова даже протестовать противъ холодной строгости культа, противъ ученой рѣчи пастора и тихонько отъ него творитъ свою интимную молитву и незамѣтно отъ него кладетъ свои поклоны. Молитва же пастора и его слова далеки ей и чужды, какъ чуждъ и далекъ ей самъ пасторъ.

Ксендзъ ближе стоитъ къ своему народу. Его вѣра теплѣе и проще. Она можетъ грѣть и ласкать. Но и въ вѣрѣ ксендза есть свой большой разладъ. Трудно рѣшить, куда ксендзъ ведетъ въ своей вѣрѣ и въ своей молитвѣ свой народъ: къ Богу или къ чему то еще. Ксендзъ любитъ, чтобы костелы были многочисленны, обширны и богаты, чтобы на святыя алтари возносились жертвы пышныя и частыя, чтобы жизнь церковная представляла сплошной праздникъ, съ блестящими церемоніями, съ многолюдными моленіями, съ далекими паломничествами, съ великими и страшными обѣтами ad majorem Dei gloriam. И пасомый ксендза любитъ нарядность и красоту своего культа, любитъ праздновать, молиться и жертвовать. Къ пастырю своему онъ, пронесшій на себѣ вѣковую культуру, привязанъ, какъ ребенокъ. Приходя къ ксендзу на исповѣдь, католикъ съ трогательной, чисто дѣтской довѣрчивостью открывается ему во всѣхъ мельчайшихъ изгибахъ своей души, обнажаетъ все свое существо. Ксендзъ близокъ къ католику, и католикъ любитъ ксендза, но не ускользаетъ отъ вниманія католической паствы и то, что пастырь ея въ своей кипучей энергической дѣятельности главный, почти весь свой интересъ сосредоточиваетъ не на томъ, что дороже и важнѣе всего для вѣрующаго сердца, а именно на томъ что красиво на видъ, что блестяще по формѣ, что громче urbi et orbi можетъ возвѣстить о силѣ католической церкви, что хорошо напоказъ. Служа небу, ксендзъ чуть ли не больше служитъ Риму; Бога онъ предпочитаетъ папѣ, ибо папа его автократоръ, а онъ рабъ его, какъ его рабами являются его пасомые. Едва католикъ созналъ или вспомнилъ все это, какъ ему становится душно и несносно подъ готическими сводами, предъ нимъ воскресаютъ во всемъ своемъ ужасѣ кровопролитныя священныя войны, невѣроятныя инквизиціонныя пытки, всѣ черныя кошмары средневѣковья. Въ страшномъ и отталкивающемъ обличьѣ встаетъ передъ католикомъ его духовный пастырь, и свое отрицательное отношеніе къ нему онъ нереноситъ на все его служеніе, на его проповѣдь, на его святыни. Онъ оскверняетъ храмы, изгоняетъ изъ школы учителей вѣры и выноситъ изъ классовъ святое распятіе. Всю церковную

жизнь онъ съ негодованіемъ отбрасываетъ отъ своей государственной и общественной жизни и зло кощунствуетъ надъ нею. Любовь пасомаго къ пастырю смѣняется, такимъ образомъ, острой ненавистью, и тѣсная близость между ними уступаетъ мѣсто непримиримому разрыву. (Во Франціи въ министерство Комба).

Непосредственно и просто все въ православномъ священникѣ.

Онъ вѣдаетъ, „не мудрствуя лукаво". Не раціоналистическія соображенія лежатъ въ основѣ его вѣры, не философія служитъ ея фундаментомъ; метафизическія тонкости и абстрактныя туманности не являются для нея абсолютными цѣнностями. Въ основѣ православной вѣры лежитъ то, что, какъ основаніе, наиболѣе прочно и устойчиво,—это религіозный опытъ. Православный вѣритъ потому, что вѣрить хорошо фактически, что вѣра даетъ покой и отраду, что она къ высшему единству сводитъ всѣ противорѣчія жизни, что она одна указываетъ исходъ изъ антимоній мысли. Я вѣрю, съ вѣрой моей мнѣ покойно, отрадно, и сладко, а потому вѣра моя дорога мнѣ и священна, потому и дорожу ея свѣтлымъ знаменемъ, потому безъ кровной борьбы и не хочу выпустить этого знамени изъ рукъ. Коротко и просто. Въ учительствѣ православнаго священника единственными вѣхами служатъ не великіе представители научной мысли, не ученые и не философы, а только святые. Не тому слѣдуетъ православный пастырь и не на того указываетъ своимъ пасомымъ, кто хорошо, умно или краснорѣчиво говоритъ о вѣрѣ, а на того, кто жилъ по вѣрѣ, кто многими годами возгрѣвалъ вѣру въ своемъ сердцѣ, кто воплотилъ ее въ своей жизни, выявилъ въ опытѣ своемъ, самымъ дѣломъ показалъ, что ничего на свѣтѣ нѣтъ выше вѣры и ничего нѣтъ, что могло бы равняться съ нею по благотворительности. Поэтому самаго скромнаго сельскаго пастыря никакой мудростью не удивишь, никакимъ краснорѣчіемъ не поразишь, никакими заманчивами перспективами не увлечешь: носитель опытной „дѣловой" вѣры, онъ вѣритъ только дѣлу и цѣнитъ только его. Подвиги святыхъ и ихъ житія—вотъ гдѣ предметъ любованія истиннаго православнаго пастыря.

Не даромъ любовь къ жизни и подвигамъ святыхъ такъ давно и такъ легко сумѣлъ привить православный священникъ народной массѣ. Святые вѣрили и были счастливы. За счастье вѣры своей они радостно шли умирать. Значитъ,—вѣра дѣйствительно даетъ счастье. Значитъ, —вѣрить нужно. Здѣсь, можно сказать, вся сердцевина православной проповѣди. Лишнихъ словъ православный проповѣдникъ не любитъ,—не потому, собственно, что онъ лѣнивъ, бездаренъ или невѣжественъ, а потому, что дѣло вѣры предъявляется ему, какъ и всѣмъ православнымъ подвижникамъ отшельникамъ, затворникамъ и молчальникамъ,—необычайно простымъ и яснымъ и вовсе не нуждающимся въ такихъ изслѣдованіяхъ и въ такомъ разглагольствованіи, какія такъ любятъ человѣческая мысль и человѣческій языкъ. Немногословна была проповѣдь Христа и апостоловъ. Витійство было рѣдкимъ явленіемъ и среди ихъ святыхъ преемниковъ. Подъ конецъ своей жизни апостолъ Іоаннъ все свое благовѣствованіе сократилъ въ одно предложеніе: „дѣти, любите другъ друга“. Многіе изъ христіанскихъ подвижниковъ всю силу своей вѣры, всю мысль о Христѣ, Сынѣ Божіемъ, все сознаніе грѣховнаго человѣческаго паденія выражали въ краткой молитвѣ Іисусовой. Въ духовномъ царствѣ будущаго совершенно упразднится языкъ, умолкнутъ всякія слова, и однако будетъ вѣра, будетъ жизнь, будетъ богослуженіе. И здѣсь важна служба Богу не книжничествомъ и не словеснымъ искусствомъ, а дѣломъ и жизнью. Такъ говоритъ православное сознаніе. И несомнѣнно, что въ силу именно этого сознанія у насъ какъ мало проповѣди, такъ же мало и богослуженія или вѣрнѣе, мало въ богослуженіи красочности и яркости. Въ противоположность католикамъ, у насъ въ храмахъ блѣдно и скромно. Темные лики на иконахъ, тихіе огоньки лампадъ, не всегда стройное и не всегда звучное пѣніе пѣвчихъ, невнятное служеніе священника, одѣтаго въ поношенную ризу, добродушно ковыляющаго по амвону даже во время великаго входа и застѣнчиво читающаго по книжкѣ проповѣдь—что все это въ сравненіи съ величественными католическими костелами, со стрѣлчатыми разноцвѣтными стеклами, съ мозаикой даже на церковномъ

полу, съ громовыми органами, съ ксендзомъ декламаторомъ? У насъ есть своя внѣшность, но мы смотримъ на нее именно какъ на внѣшность, какъ на оболочку внутреннихъ состояній. И этой оболочкой мы ни въ какомъ случаѣ не хотимъ воспользоваться какъ декораціей, какъ вывѣской для рекламированія духовнаго сокровища своей вѣры. Цѣня вѣру, какъ наше внутреннее благо, имѣющее смыслъ предъ тайной вѣчности и предъ очами Божіими, мы не придаемъ значенія популярности нашей вѣры въ интересахъ временныхъ, въ цѣляхъ политическихъ и под. Отъ внѣшней показности мы уходимъ со своей вѣрой вглубь своего духа и выявлять свою вѣру хотимъ лишь на дѣлѣ.

(„Пермск. Еп. Вѣд.“).

(Продолженіе будетъ).

Очередные вопросы.

Наше революціонное теченіе напоминаетъ собою бурный потокъ, который, вырвавшись изъ своего нормальнаго русла, сметаетъ на своемъ пути все, что попадаетъ въ его водоротъ—и никуда ненужный мусоръ, и цѣнные здоровые элементы, которые нужны бы твердо хранить, какъ созидающія начала русской жизни. Въ результатѣ получились такая разруха въ странѣ, такое разстройство государственной и общественной жизни, что только чудо можетъ спасти Россію. „Отечество въ опасности“, „Отечество гибнетъ“, нѣтъ больше великодержавной Россіи. На мѣстѣ ея измученная и обезсиленная страна, которой сразу угрожаютъ три врага: внѣшній завоеватель, внутренній хаосъ и голодъ“. Такіе возгласы слышимъ въ рѣчахъ нашихъ министровъ, читаемъ въ резолюціяхъ разныхъ совѣтовъ и на страницахъ повременной прессы. Во имя спасенія родины всѣ призываются къ сплоченности и единенію, но ни сплоченности, ни единенія нѣтъ. Здоровыя объединяющія начала государственной жизни—чувство патріотизма и сознаніе своей національности—разсѣялись точно дымъ въ воздушномъ пространствѣ, и

Епархіальная жизнь.

Епархіальныя награды.

По представленію Минскаго Епархіальнаго Училища Совѣта, Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Георгіемъ, Епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, резолюціею отъ 10 октября за № 2277, *награждены камилавкою:* Законоучитель Борисовской женской Учительской Семинаріи Священникъ Петръ Король, состоящій Казначеемъ Борисовскаго уѣзднаго Отдѣленія Совѣта и ранѣе бывшій Игуменскимъ уѣзднымъ Наблюдателемъ церковныхъ школъ и Мозырскій уѣздный Наблюдатель церковныхъ школъ Священникъ Владиміръ Петропавловскій—за отлично усердное отношеніе къ дѣлу церковно-школьнаго просвѣщенія.

Священникъ Александръ Павловичъ Аѳонскій.

(Некрологъ).

18 сентября с. г. скоропостижно скончался отъ разрыва сердца настоятель Брагино-Селецкой церкви Рѣчицкаго уѣзда о. Александръ Аѳонскій 46 л. отъ роду. Покойный пользовался рѣдкимъ здоровымъ, выдающейся энергіей, и смерть его ошеломила всѣхъ неожиданностью. Избытокъ здоровья при хорошемъ тѣлосложеніи скрывалъ таящійся въ немъ сердечный недугъ, котораго, казалось, покойный и самъ не замѣчалъ, но который все прогрессировалъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Скорбныя событія нашей родины, которыя покойный, какъ истый патріотъ, воспринималъ всей душой, а также печальныя событія домашней жизни: смерть единственнаго сына (гимназиста), недавная кончина родителя и тестя—оставили свой слѣдъ на его болѣзни. При томъ же благочинническія обязанности отягощали его впечатлительную душу излишнимъ балластомъ. На почвѣ служебныхъ отношеній создавались непріятныя тренія съ нѣкоторыми сослуживцами, которые, къ слову сказать, конечно, простятъ почившему его погрѣшности, проистекавшія изъ горячности его натуры, но не отъ злой воли: покойный отъ природы былъ добрый и незлобивый человѣкъ. Все это составляло тѣ неблагопріятныя условія, которыя способствовали развитію болѣзни, приведшей покойнаго къ печальному концу.

За все время своего свыше двадцатилѣтняго служенія почившій, отличавшись неутомимой дѣятельностью, оставилъ по себѣ добрую память. Пользуясь популярностью среди духовенства, онъ неоднократно былъ избираемъ на училищные съѣзды, на которыхъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Послѣдніе четыре года несъ обязанность благочиннаго, возложенную на него бывшимъ Преосвященнымъ Митрофаномъ. Эта служба, говорилъ покойны, отвлекала его отъ прямыхъ обязанностей священника и сельскаго хозяина. Вь томъ и другомъ отношеніи онъ сознавалъ свою культурную миссію въ приходѣ и по мѣрѣ силъ старался ее выполнять. Занимая обширный приходъ съ населеніемъ свыше шести тысячъ душъ, онъ видѣлъ всю трудность удовлетворенія религіозно—нравственныхъ нуждъ своихъ многочисленныхъ прихожанъ и затѣялъ дѣло о выдѣленіи части своего прихода въ самостоятельный приходъ. Пять лѣтъ назадъ его стараніе увѣнчалось успѣхомъ: составился новый приходъ изъ нѣскольких деревень Селецкаго и сосѣдняго приходовъ съ устройствомъ въ немъ замѣчательнаго по размѣрамъ и красотѣ храма. Не мало заботъ удѣлялъ покойный на приведеніе въ благолѣпный видъ своего приходскаго храма. Имъ же устроена мѣстная прекрасная ц.—пр. школа. Эти два свѣточа религіозно—нравственнаго воспитанія прихожанъ всегда привлекали его особенное вниманіе. Причтовыя помѣщенія возведены покойнымъ такъ сказать, на широкую ногу, для чего затрачено имъ личныхъ средствъ свыше двухъ тысячъ. Подавая примѣръ прихожанамъ, онъ велъ въ большихъ размѣрахъ сельское хозяйство, поставивъ его на должную высоту. Засадилъ обширный садъ и устроилъ въ немъ пасѣку. Наряду съ заботой о духовномъ и матеріальномъ преуспѣяніи пасомыхъ покойный не оставлялъ безъ вниманія и тѣлесныхъ немощей ихъ. Съ этой цѣлью имѣлъ домашнюю аптечку, изъ коей отпускалъ безплатно лѣкарства нуждающимся, примѣняя иногда и домашнія средства, какъ напр., медъ и приготовляемое имъ прекрасное фруктовое вино. Прихожане любили своего батюшку и охотно оказывали ему помощь въ полевыхъ работахъ. Вообще нужно замѣтить, что покойный отличался разносторонними способностями. Онъ, напр., искусно владѣлъ фотографическимъ аппаратомъ и оставилъ обширную коллекцію разныхъ видовъ этого искусства. Столярное дѣло знакомо ему было въ совершенствѣ и для этого завелъ спеціальную мастерскую. Много предметовъ домашней обстановки и хозяйственнаго обихода оставлено покойнымъ, свидѣтельствующихъ о художественномъ вкусѣ и искусствѣ работника. Будучи неутомимъ труженикомъ въ практической жизни, о. Александръ находилъ время и для умственныхъ занятій, ему служила покинутая имъ довольно солидная библіотека. Въ частной жизни почившій былъ примѣрнымъ семьяниномъ; всегда радушный и хлѣбосольный хозяинъ, веселый и занимательный собесѣдникъ, онъ привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ. Въ дни храмовыхъ и

семейныхъ праздниковъ домъ его наполнялся разнообразнымъ обществомъ. Среди уютной обстановки, при обиліи благъ земныхъ, гости проводили время интересно и съ удовольствіемъ.

Преждевременная кончина о. Александра, естественно, отозвалась въ сердцахъ знавшихъ его искренной печалью. О его неожиданной кончинѣ дальніе сослуживцы покойнаго не могли быть своевременно оповѣщены, и скорбный обрядъ отпѣванія совершенъ былъ (20 сент.) четырмя ближайшими сосѣдями священниками во главѣ съ почтеннымъ протоіереемъ Брагинской ц. въ сослуженіи двухъ діаконовъ. За отпѣваніемъ прочувствованное слово произнесъ священникъ Микуличской ц., охарактеризовавъ покойнаго какъ добраго пастыря, прекраснаго человѣка и любящаго семьянина, а затѣмъ же священникъ Глуховичской ц., сказалъ слѣдующую рѣчь.

Усопшій служитель Христовъ и дорогой собратъ нашъ о. Александръ!

По волѣ Божіей жизнь твоя, полная энергію и силы, внѣзапно пресѣклась, и душа, уставшая отъ треволненій мірскихъ, предстала уже тому тихому пристанищу, которому чужды радости и печали земли. Угасъ ты, свѣтильникъ Божій, поставленный, чтобы свѣтить міру; опочилъ навѣки, глава и кормилецъ любимой семьи; отошелъ отъ насъ въ иной міръ, добрый и сердечный собратъ и человѣкъ! Твоя преждевременная на нашъ ограниченный взглядъ кончина объемлетъ сердца наши скорбью великою. Плачъ и рыданіе и вопль многъ слышится среди твоихъ пасомыхъ и родныхъ и знакомыхъ. Но пути Божіи неисповѣдимы. Предъ непостижимымъ промысломъ Божіимъ, направляющимъ ко благу бытіе тварей, умѣримъ свою печаль. Святый апостолъ Павелъ заповѣдуетъ намъ не скорбѣть о умершихъ такъ, какъ скорбятъ „неимущіе упованія". И мы, вѣрующіе христіане, вѣримъ и надѣемся, что душа твоя, оставившая эту „юдоль скорби и плача" и пришедшая къ мѣсту упокоенія, наслаждается полнымъ покоемъ. Это упованіе наше пусть будетъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ среди настоящаго сѣтованія по тебѣ, почившій о. Александръ.

Спи же, дорогой собратъ нашъ, сномъ невозмутимымъ до гласа ангельской трубы. Пусть покоится душа твоя покоемъ вѣчнымъ, котораго не знала она въ послѣдніе дни своей земной жизни; да возрадуется радостью небесной, на которую промѣняла ничтожныя радости земли.

Стоя ближе къ престолу Божію, молися о насъ, собратіяхъ твоихъ, моли Бога, да ниспошлетъ Онъ ободреніе и подкрѣпленіе

покинутой тобою осиротѣлой, горячо любящей тебя и преданной до гроба семьѣ твоей.

Миръ праху твоему и вѣчный покой душѣ!

Отдать послѣдній долгъ почившему пришли въ большомъ количествѣ прихожане (многіе не знали, а то и не вѣрили смерти) и знакомые, въ числѣ коихъ были и иновѣрцы.

Дѣятеленъ и неутомимъ былъ покойный въ своей земной жизни, пусть же отдыхаетъ и покоится душа его въ жизни загробной. „Покой, Спасе Нашъ, съ праведными раба Твоего, и сего всели во дворы Твоя, презирая вся согрѣшенія его“!

Свящ. **М. В.**

Отъ Правленія Минскаго духовнаго училища.

Правленіе Минскаго духовнаго училища доводитъ до свѣдѣнія родителей учениковъ, обучающихся въ семъ училищѣ, что учебныя занятія въ 1917-18 уч. году начнутся для учениковъ 2, 3 и 4-го классовъ съ 1-го ноября, а для учениковъ 1-го класса съ 9-го января. Увѣдомляя о семъ, Правленіе, на основаніи журнальнаго постановленія своего, утвержденнаго Его Преосвященствомъ, непремѣннымъ условіемъ принятія дѣтей въ общежитіе ставить представленіе каждымъ ученикомъ на время отъ начала учебныхъ занятій и до Рождества въ счетъ платы за содержаніе въ общежитіи: по 1 п. 30 ф. ржаной муки, по 5 ф. сала или масла и по 20 ф. крупы (гречневой, перловой или пшенной). Кромѣ сего каждый ученикъ, имѣющій жить въ общежитіи долженъ имѣть по примѣру прошлаго года свою подушку, одѣяло, простыни и чехолъ для матраса. Кромѣ вышеуказаннаго количества продуктовъ, поступающихъ для продовольствія учениковъ въ распоряженіе училища, желательно возможно болѣе обильное снабженіе учениковъ съѣстными продуктами особенно сухарями и жировыми веществами. Все, что будетъ представлено родителями сверхъ вышеуказаннаго количества продуктовъ, будетъ принято Правленіемъ училища съ благодарностью по существующимъ на эти продукты въ Минскѣ цѣнамъ.

Смотритель училища Прот. *А. Костюченко.*

При этомъ номерѣ прилагается воззваніе **Русской Демократической Партіи.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ Ректоръ Семинаріи Протоерей **I. Язвицкій.**

г. МИНСКЪ.

Первый номеръ (за январь) выйдетъ **въ ноябрѣ текущаго года** и впредь журналъ будетъ выходить задолго до того мѣсяца, на какой предназначенъ проповѣдническій матеріалъ. Съ первымъ номеромъ будетъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ „Свободное Слово Христіанина" **„Христіанскій Календарь"** на 1918 годъ, —по намѣренію редакціи, **настольная книга для каждаго христіанина и особенно для всѣхъ церковно и священнослужителей**; въ этой книгѣ, кромѣ общекалендарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены краткія свѣдѣнія о жизни каждаго святого, которому полагается церковная служба, уставныя указанія и другія необходимыя христіанству и особенно священнослужителямъ свѣдѣнія, отдѣлъ —„христіанскія мысли и настроенія" (въ изреченіяхъ различныхъ писателей), большой отдѣлъ свѣдѣній гигіеническаго и медицинскаго характера и проч.

Подписная годовая цѣна 15 руб.

Разсрочка платежа не допускается.

АДРЕСЪ: Кіевъ, Редакція журнала **„СВОБОДНОЕ СЛОВО ХРИСТІАНИНА".**

РЕДАКТОРЪ профес. Кіевск. духовн. Академіи **М. Скабаллановичъ.**

ИЗДАТЕЛЬ преподаватель Кіевской духовной семинаріи **А. Троицкій.**

Во исполненіе постановленія 2-го всероссійскаго законоучительскаго Съѣзда, ноября м. с. г.

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

Совѣтомъ всероссійскаго законоучительскаго Союза

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РЕЛИГІЯ и ШКОЛА."

Законоучительсто во всѣхъ школахъ, особенно сельскихъ, дѣло очень сложное и отвѣтственное. Но доселѣ законоучитель былъ одинокъ въ своей работѣ и ни откуда онъ не видѣлъ себѣ помощи и заступленія. На него возлагали все дѣло религіозно-нравственнаго просвѣщенія и не давали ему свѣдѣній ни религіозно-педагогическихъ, ни методологическихъ.

Новый журналъ и ставитъ своею цѣлью: быть другомъ и помощникомъ законоучителю, особенно сельскому; разработкой вопросовъ законоучительства сдѣлать его сильнымъ въ школѣ, энергичнымъ въ работѣ, не оставивъ его безъ отвѣта на запросы безрелигіозныхъ людей, враговъ з. б. въ школѣ: объединеніемъ вокругъ себя законоучителей сгруппировать ихъ въ тѣсную семью; заботой о профессіональныхъ интересахъ обезпечить морально и матеріально законоучителя.

Журналъ даетъ 12 книжекъ въ годъ.

При обезпеченіи матеріальной стороны изданія будутъ употреблены старанія дать приложенія въ видѣ или научныхъ для законоучителей или популярныхъ для учащихся брошюрокъ.

Идейная работа въ журналѣ съ добрымъ обезпеченіемъ авторскаго труда соберетъ, редакція увѣрена, сотрудниковъ, какъ изъ ученыхъ педагогическихъ силъ, такъ и изъ сельскихъ простыхъ законоучителей.

Цѣна 8 руб. въ годъ.

При ужасной дороговизнѣ на бумагу и типографію, такая низкая цѣна назначается только въ увѣренности, что каждый священникъ, какъ законоучитель, сочтетъ своимъ долгомъ быть непремѣннымъ подписчикомъ нашего журнала и своимъ взносомъ поможетъ общему законоучительскому дѣлу.

№ 17—18 по винѣ типографіи ошибочно отпечатаны.